

Конкретные возражения, высказанные Д. Чижевским против марксистских исследований о древнерусской литературе, сводятся к двум пунктам: он возражает против предположения своих противников, «что к идеям давно прошедших времен можно подходить с категориями сегодняшнего мышления», и против их представления, будто «идеология непосредственно (unmittelbar) зависит от классовых интересов».¹²

Второе из этих возражений едва ли можно считать серьезным: странно, каким образом исследователь, если он хотел рассмотреть взгляды марксистов добросовестно, мог приписать им столь чуждое историческому материализму представление. В самом деле, в каких марксистских работах Д. Чижевский нашел указание на непосредственную зависимость идеологии от классовых интересов? Если бы Д. Чижевский дал себе труд ознакомиться хотя бы с достаточно известной монографией Г. В. Плеханова «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», то он встретился бы там со специальным опровержением (как всегда у Плеханова, очень резким и острым) подобной вулгаризации исторического материализма. Г. В. Плеханов высмеивал тех людей, которые думают, что, если марксисты считают, например, Канта буржуазным идеологом, то этим они хотят сказать, что его философские теории имели целью доставить немецкой буржуазии «как можно больше вкусных блюд и „прекрасных невольниц“». «Нужно ли уверять, что все это совершеннейшие пустяки?!» — писал по этому поводу Плеханов. «Когда Маркс говорит, что данная теория соответствует такому-то периоду экономического развития общества, то он вовсе не хочет сказать этим, что мыслящие представители класса, господствовавшего в течение этого периода, сознательно подгоняли свои взгляды к интересам своих более или менее богатых, более или менее щедрых благодетелей ... Процесс возникновения идеологической надстройки совершается незаметным для людей образом. Они рассматривают эту надстройку не как временный продукт временных отношений, а как нечто естественное и обязательное по своей собственной сущности. Отдельные лица, взгляды и чувства которых складываются под влиянием воспитания и вообще окружающей обстановки, могут быть преисполнены самого искреннего и вполне самоотверженного отношения к тем взглядам и тем формам общечития, которые исторически возникли на почве более или менее узких классовых интересов».¹³ Для уяснения аутентичного марксистского взгляда на этот вопрос Д. Чижевский мог бы обратиться и к Ф. Энгельсу, писавшему, что если бы политика, философия, литература и другие виды идеологии прямо и исключительно определялись экономикой, то применить марксистскую теорию «к любому историческому периоду было бы легче, чем решать самое простое уравнение первой степени».¹⁴

Более внимательного рассмотрения заслуживает первое возражение Чижевского — о невозможности подходить к идеологии давно прошедших времен «с категориями сегодняшнего мышления». Это — весьма популярная в западной историографии идея: допуская существование классовой борьбы и вообще «мирских интересов» в наше прозаическое время, многие авторы считают применение этих понятий к средневековью недопустимой «модернизацией». В книге о русском монашестве западногерманский исследователь И. Смолич заявляет, например, что «историки и особенно

сал Н. К. Гудзий), с вопросом о его классовых позициях, приписывает Б. А. Романову взгляд на «заточников» как на особую социальную категорию и т. д.

¹² D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 32—33.

¹³ Г. В. Плеханов. Сочинения, т. VII. М.—Пг., 1923, стр. 205—206.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXVIII, стр. 244—245; ср. т. XXIX, стр. 283—284.